Елена Морозкина

Осенняя песня

Елена МОРОЗКИНА

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Стихи

Москва
1998

Автор взял на себя ответственность
составителя и редактора книги.

Номера разделов словно обозначают
песни одной Поэмы жизни.

© Е.Н. Морозкина, 1998
Без объявления

Книга стихов участницы Великой Отечественной войны, кандидата искусствоведения Елены Морозкиной повествует о страдных годах войны, о погибшем друге, о судьбах девушек-солдат, о нерукотворной и рукотворной красоте Руси - ее природе и искусстве; о древнерусских городах и храмах; о шедеврах мирового зодчества - таких, как Парфенон; о трагедии русской деревни и великой тревоге за судьбу Родины.

Эту книгу я задумала в честь
пятидесятилетия Победы
и в память
Константина Ковцуняка,
павшего под Сталинградом.

* * *

Ах, сколько выплакано слёз
И сколько песен не допето!...
Прошла весна, промчалось лето,
И осень хмурится всерьёз.
И листья по ветру летят,
Как перепуганные птахи.
И лес в разорванной рубахе
Тревожно смотрит на закат.

Конец 1994

Елена Морозкина

Константин Ковцуняк.
На пороге десятого класса.

Осенняя песня

Весна и Осень - мой венок,
В душе они переплелись ...

В памяти всплывают любимые слова поэта: «Ветки цветущих черешен смотрят мне в окно, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками». Это Лермонтов.

На мой письменный стол ветер когда-то приносил лепестки цветущих вишен из соседнего сада.

Нежные лепестки весны!... Златокованные листья осени... Звёзды кленов, их огненные кроны... Пожелтевшие листки писем... Они передо мной.

«... А я в армии - скоро вот уже месяц. И очень часто вспоминаю тебя, вновь разговариваю с тобой или молча слушаю музыку. И всё в сердце моём осталось так же - по-прежнему: комната, увешанная картинами, рояль, на рояле цветы - ландыши, анютины глазки, нарциссы - душистые и прекрасные. Ты сидишь за роялем и я - весь слух. Я слушаю «Осеннюю песню» Чайковского ... Звуки все льются и льются, наполняют моё сердце, заставляя его трепетать ... И если бы это всё было наяву, я, как Фауст, воскликнул бы: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!...»

26 августа 1941 г.».

«... Мне опять мерещились всякие ужасы: то ты обиделась и не хочешь больше разговаривать со мной, то ты переехала куда-нибудь в другой город и мы потеряли друг друга. А я так боюсь этого, потому что ты дорога мне, как воспоминание о самом лучшем, что со мною было, о солнечных днях в Смоленске, как воспоминание о счастливых минутах в комнатке, где я сидел в кресле и слушал «Осеннюю песню». И рисовалась мне вешняя осень, такая, как у Левитана. В холодном воздухе медленно кружатся золотые бабочки опавших листьев. Все дороги сплошь усыпаны ими. И на сердце запустение и тишина. До боли жаль прошедшего, хочется его вернуть, даже ценою жизни, ставшей теперь такой жалкой и ненужной ...

5 декабря 1941 г.»

Эти отрывки из писем Константина Ковцуняка - избранника моего юного сердца. Мы вместе кончали школу в Смоленске весной сорок первого года. Эти письма я проносила

в полевой сумке всю войну. Ведь я тоже была солдатом.

Он был высок, строен, косая сажень в плечах, породистое лицо, густая копна русых кудрей ... Я была ему до плеча. (Очень хорошее сочетание!). Это был юноша с тонкой внутренней организацией, подобный молодому Блоку. А рост - 186. Когда он шёл по улице, говорили: «Ковцуняк не идёт, а движется». Он шёл, погруженный в свои мысли, заложив руки за спину, на голову выше толпы. При таком росте нужно было подымать роту в атаку. Он стал лейтенантом, командиром стрелковой роты.

Сталинград... Трупы на улицах лежали штабелями, никто их не считал, не выявлял имена убитых - не до того было. В одном доме немцы, в другом свои. Так рассказывала мне сестра, побывавшая там.

Когда Константин сдал выпускные экзамены в школе, ему осталось только защитить диплом, чтобы получить звание режиссёра: он кончал театральную студию имени Станиславского в Москве, в которой учился заочно. Я видела отзыв, полученный им из этой студии вместе с оценкой «отлично» за курсовую работу: «Мы поражены Вашими успехами...» (Речь шла о режиссёрской разработке драмы Островского «Гроза»).

Он был артистом, обладавшим даром абсолютного перевоплощения, даже без грима. Перед глазами зрителя возникала полная иллюзия. Его главные роли - Арбенин, Кречинский ... Сцена стала его жизнью.

Он был поэтом. (Талант - ведь это натура!). А его любимым поэтом был Есенин. Написав сто стихотворений, Костя принес их нашему учителю литературы - поэту Василию Горбатенкову, и тот поздравил его на уроке. Это Василий Ефимович вручил Константину томик Есенина, который был тогда под запретом... В начале сорок первого года Василий Ефимович возглавил Союз смоленских писателей. На войне он сделался лётчиком.[1] Его отзывали в прифронтовую полосу - в редакцию газеты. Но он остался в части и на тридцатом вылете погиб.

Когда Константин ушёл на войну, мать сложила его рукописи в чемодан - как самую большую семейную ценность. С этим чемоданом она выбегала во двор во время бомбёжек,

---

[1] - Он был направлен в лётную часть политруком, но, по его просьбе, ребята - лётчики выучили его летать, и он перешёл в кабину самолёта.

пряталась в ровик, откопанный жильцами дома. Но однажды она обронила чемодан на краю ровика - сама успела в него нырнуть... Упала зажигательная бомба ... Чемодан с рукописями сгорел.

... О начале войны Костя написал мне в письме: «В этот день моя юность кончилась... Я стал мужчиной». Он почувствовал свою ответственность и сам пришёл в военкомат. Но военкомат уже выехал из Смоленска... Константин пешком ушёл из Смоленска и призвался в первом же военкомате. (Его видели на Соловьиной переправе, где была беспощадная массовая бомбежка наших беженцев).

Потом он попал в военное училище. А оттуда - под Сталинград. Судя по последнему письму, он был ранен (хотя не сообщал об этом). На полевом конверте стоял штамп: «Калач», а Калач ведь прикрывал Сталинград! Писем больше не было.

Мать ждала его до последнего часа. Я положила себе ждать его десять лет. А потом ... Коли не вернется, наложить на себя руки. Но прижилась... Из мира сего не ушла. А жизнь предъявляет свои права...

И годы долгие печали,
И годы долгие беды,
Глаза невольно замечали
В снегу пропавшие следы.
И лютая лихая стужа,
Грудь прожигавшая насквозь.
И это сердце - всё наружу...
И эти руки - вечно врозь ...

И осталась в душе ледяная сожигающая пустыня - на многие годы.

Как-то отец сказал обо мне: «В старое время Еленка ушла бы в монастырь». Но не ушла. (Однако «свой» монастырь обрела! О нём речь ниже).

Много лет я не могла коснуться его писем: такую боль они порождали. Прошло полстолетия - пришло время подводить итоги. Напрасно ли я прожила свои дни?

Как смогла, служила Отечеству, не случайно стала солдатом-добровольцем, «отбахав» рядовым в зенитной части около трёх с половиной лет. (А таких в нашей части

было 186 девочек!).

Судьба Родины - самая большая моя тревога. Ее красота, душа её природы - самое большое моё утешение. Её трагическая, полная героизма биография - это ведь наша биография, мы - часть её! И мы должны творить её достойно.

Как сложилась моя жизнь?

Я часто шучу, что влипла в историю ... архитектуры. Будучи поборником искусства, мечтая стать писателем, я, волею обстоятельств, окончила строительный институт, а потом «выруливала», пробиваясь к себе через все препоны.[1]

Но нет худа без добра: великие произведения зодчества заговорили со мной своим возвышенным языком и тем помогли жить. (Многие мои стихи посвящены образам архитектуры).

Сперва я работала архитектором в московской реставрационной мастерской. Моим любимым объектом стала «Дача Орлова» - тёплая жемчужина русского классицизма. (На квадратном основании каменного первого этажа вознеслись два яруса круглых деревянных колоннад). Как знать, уцелело бы это маленькое чудо осьмнадцатого века, если бы вовремя не были готовы обследования и чертежи для реставрационных работ! А трудились мы без лесов, сами мастеря лестницы...

Потом я поступила в аспирантуру Московского архитектурного института на кафедру истории архитектуры. Судьба прочно повенчала меня со Псковом, зодчество которого стало моей темой.

Моя диссертация была посвящена церковному зодчеству Пскова с XII по начало XVIII века. Десять лет жизни я положила на свой труд. Он занял два тома с приложением альбомов: первый том - исследования, второй сопоставление.

---

[1] - Первый семестр Строительного института в Горьком я закончила до своего ухода в армию. Вот строки из воинского письма Константина: " Признаться, институт твой удивил меня, но если ты будешь архитектором, я буду счастлив... Я хочу, чтобы ты мне сделала проект моего театра. Это будет чудесно!.." Соответственно, когда я кончала в Москве Строительный институт Моссовета (через шесть лет после завершения войны), я выбрала темой дипломного проекта :"Драматический театр на 1200 зрителей". Диплом защитила с отличием и рекомендацией в аспирантуру, получив специальность инженера- архитектора. (А всего на защиту диплома мною были представлены 24 доски с полными расчётами, конструктивными узлами...).

10 (Я исходила и изъездила Псковщину, изучив в натуре и по документам 85 памятников зодчества древнего Пскова, включая ансамбли Крыпецкого и Мальского монастырей, выполнив их обмеры). Моим научным руководителем был Николай Иванович Брунов - один из лучших людей, которых подарила мне жизнь. Это он нацелил меня на Псков.

На защите диссертации учёный совет Московского архитектурного института присвоил мне степень кандидата искусствоведения и повторно голосовал за звание доктора архитектуры. Вынес решение ходатайствовать об этом перед ВАКом.[1] Одновременно совет постановил: диссертация должна быть опубликована. Защита длилась пять часов, сопровождаемая аплодисментами; выступали большие учёные. Моим главным оппонентом стал наш выдающийся искусствовед Михаил Владимирович Алпатов. Я защищалась не в актовом, а в выставочном зале архитектурного института, ибо только он мог вместить мои материалы, мою выставку. Однако коллеги приревновали меня к успехам. Начались «заспинные манипуляции». (В итоге даже кандидатскую степень я получила только через два года после повторных обращений в высшие инстанции того времени.[2] О докторской не шла и речь).

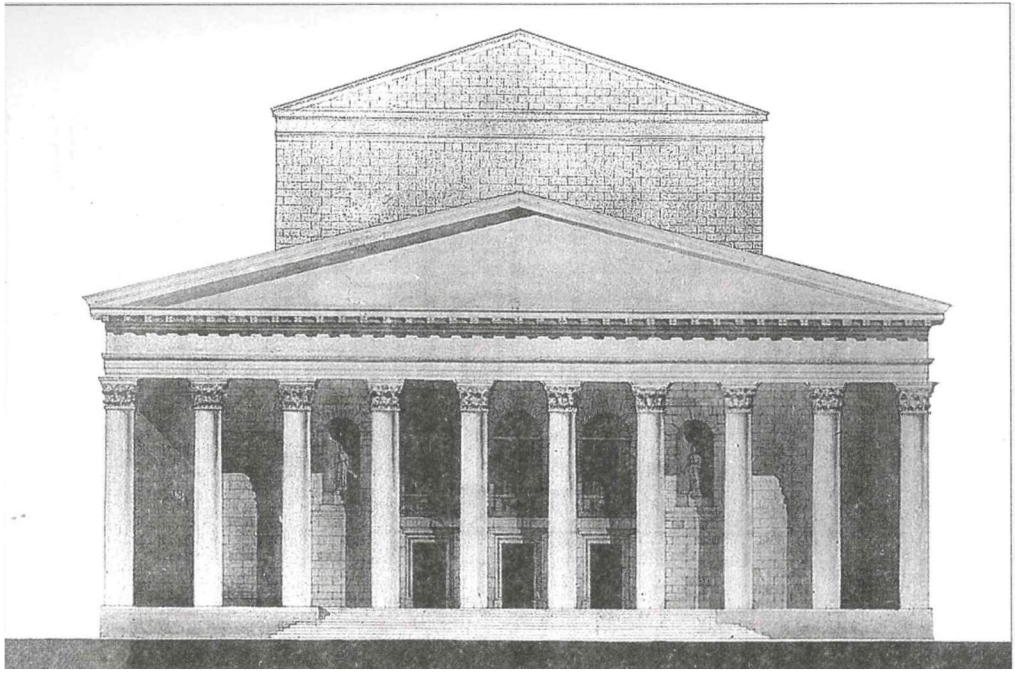
В Московском архитектурном институте я проработала десять лет: читала лекции по истории архитектуры и истории искусств. Вела практические занятия со студентами (200 человек в первом семестре и 200 - во втором). Студенты меня любили. И я их - тоже. Я называла их - «дети мои». Собирались у меня дома; совершали совместные путешествия, знакомясь с памятниками старины. После защиты меня лишили учебных часов и зарплаты. (А ведь я была избрана по конкурсу на должность старшего преподавателя на несколько лет!). Лицо, официально ознакомившееся с моим делом, определило его как «организованную травлю». Травили за научные достижения женщину - солдата Великой Отечественной!...

Моя работа осталась неопубликованной (но ею пользовались и реставраторы, и градостроители). Здоровье

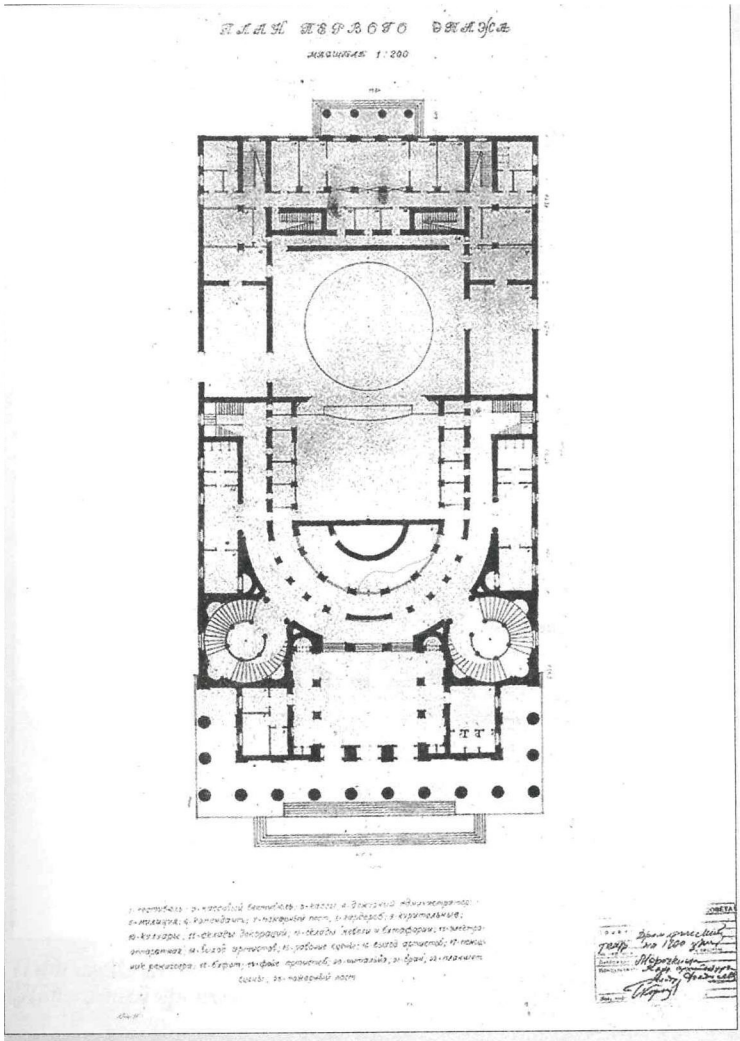
---

[1] - ВАК - Высшая Аттестационная Комиссия. (Здесь и в других местах примечания автора).

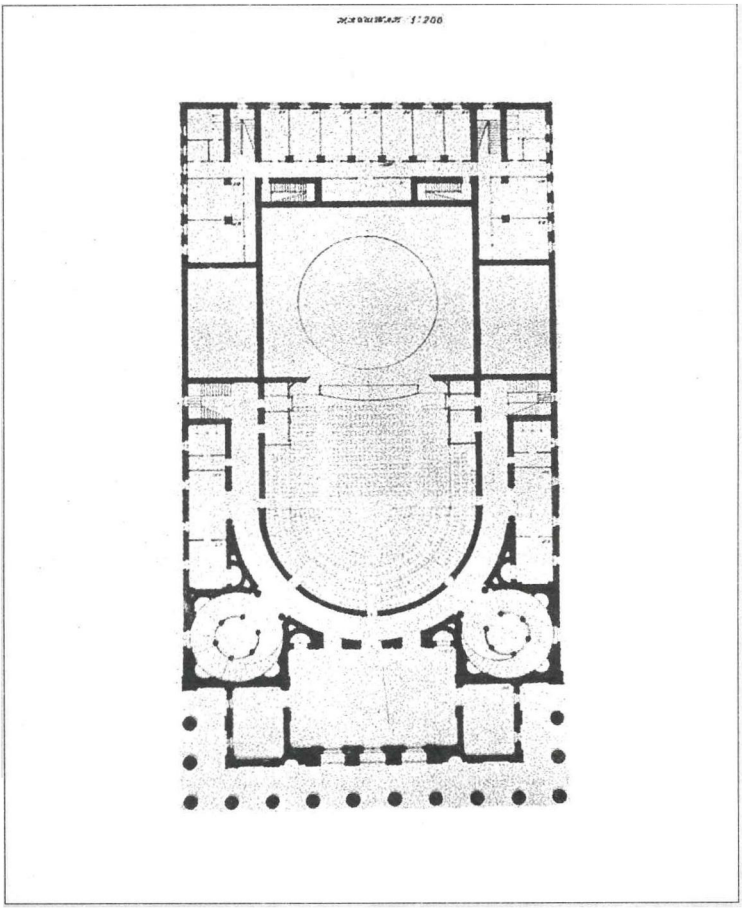
[2] - Диссертация исчезла из ВАКа. С большим трудом её удалось вернуть.



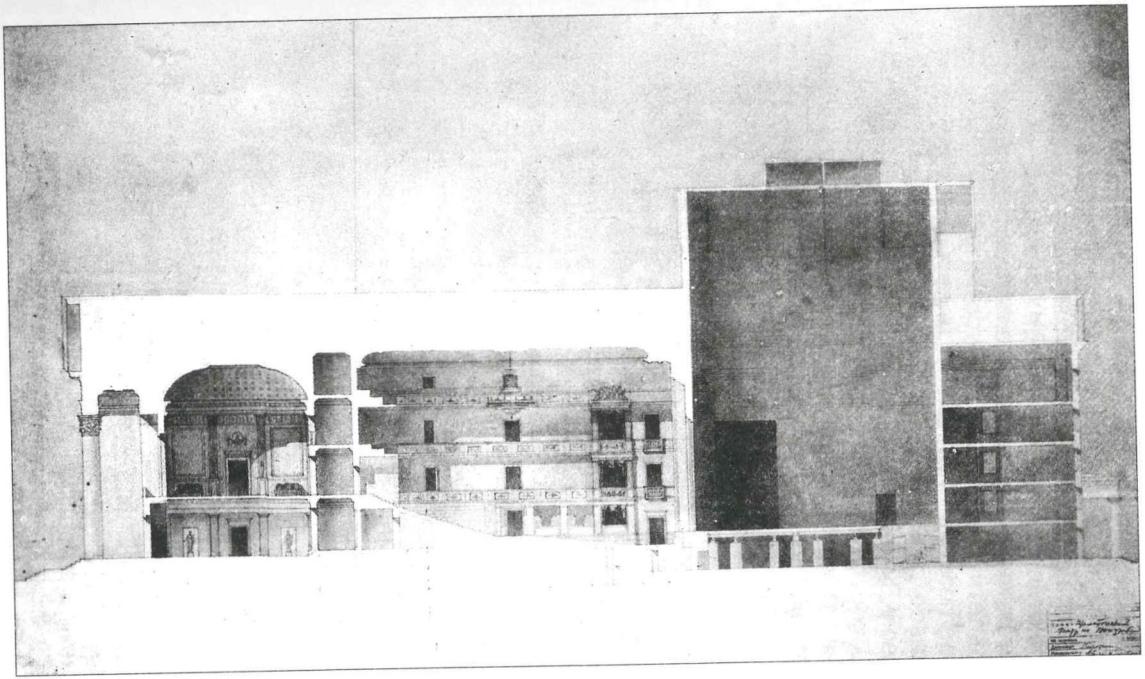
Драматический театр на 1200 зрителей.
(Дипломный проект Елены Морозкиной).



План драматического театра. Первый ярус. (Дипломный проект Елены Морозкиной).



План драматического театра. Второй ярус. (Дипломный проект Елены Морозкиной).



Драматический театр. Продольный разрез.
(Дипломный проект Елены Морозкиной).

мое пошатнулось. Оставаться в институте стало невозможным. Ректорат ничего не мог сделать: у коллег была «рука в верхах». И меня в течение трех лет посылали в длительные командировки в Восточную Сибирь и на Дальний Восток (в Иркутск и Хабаровск), где в политехнических институтах тогда открылись архитектурные факультеты. Там я «ставила» курс истории архитектуры. Читала лекции, помогала преподавателям... (Лекции я читала всегда с показом диапозитивов на двух экранах: «истина познаётся в сравнении...»). Побывала и в Забайкалье, и в Енисейске, и в Якутске, и во Владивостоке... Привезла гору цветных диапозитивов, которые перевела в фотографии, предназначив их для музея. Нет худа без добра!... Но лучше бы - добро без худа!

Нынче оба тома диссертации и стенограмма защиты переданы мною в Древлехранилище Псковского музея, где имеется мой фонд.

Мне удалось предотвратить взрыв замечательного архитектурного ансамбля XVI века - Крыпецкого монастыря. (Думается, что это может послужить оправданием человеческой жизни, потому что возведение подобного ансамбля стоит её). За такое заступничество на меня был сделан донос в КГБ, за мною установили слежку, однако, в конечном итоге, дело было закрыто.

Крыпецкий монастырь возник в XV веке в заболоченном лесу всего лишь в двадцати двух верстах ото Пскова. (Ныне он находится в девятнадцати километрах, поскольку город продвинулся к нему). В двадцатые годы монастырь был закрыт, а затем забыт, хотя отдельные верующие туда пробирались - целить душу и тело. В процессе работы над диссертацией мне довелось снова выявить этот шедевр архитектуры и источник умиротворения человека. Это не понравилось местному начальству. Ансамбль монастыря был приговорен к уничтожению. Мне удалось поднять на его защиту крупных ученых Москвы и вдохновить Министерство культуры. Убедили мои фотографии и чертежи, сделанные на свой страх и риск - без всякой оплаты. Взрыв монастыря был предотвращён. Министерство культуры поставило ансамбль Крыпецкого монастыря на государственную охрану, зачислив его в памятники республиканского (то есть общерусского) значения, и выделило средства на восстановление кровли

собора, что совершил Борис Степанович Скобельцын, доставив строительные материалы по зимнему пути. Однако в 1983 году, в результате «диверсии сверху», новая кровля сгорела, а вместе с нею - прекрасная выразительная глава собора, венчающая весь ансамбль. И опять пошли мытарства, растянувшиеся на десятилетие: битва за новую крышу. Ведь после дождей из сводов собора падали камни, а это грозило обрушением сводов. Наконец помог губернатор Пскова Владислав Николаевич Туманов. Кровлю надвинули. Крыпецкий монастырь передали церкви. (Я сама ходила ходатайствовать об этом к владыке Владимиру, бывшему тогда во Пскове). Пока служба идет в приделе собора. И сколько еще нужно сил и средств для восстановления ансамбля монастыря, и какое бережное отношение должно быть к нему! Но своды не рухнут.

Мною был написан и опубликован в различных сборниках и журналах ряд научных и научно-популярных статей о зодчестве древнего Пскова. Книга «Псков» вышла на четырех иностранных языках (на русском - нет!). Дважды выходила моя книжка «Псковская земля» (издательство «Искусство», серия «Дороги к прекрасному»). Интересная история произошла с ней! «Псковскую землю» прочел в Канаде русский художник Евгений Евгеньевич Климов, который в молодости бродил по Псковщине с мольбертом. Он даже оросил слезами мои страницы. Завязалась переписка. В итоге Евгений Евгеньевич пожелал прислать в дар Родине свои творения, а также подаренные ему автором небольшие, но блестящие работы Бенуа; два этюда Сурикова, большой пейзаж Серебряковой... Однако это оказалось не так-то просто! Два года мне пришлось пробивать ворота Фонда культуры, чтобы задвигались наши госчины. Но в конечном итоге передача работ состоялась. И среди них - великолепный портрет Пастернака, который пошёл в Переделкино и в который я влюбилась. (О возвращении картин Климова была подробная публикация в «Новостях Пскова»).[1]

Моя книжечка «Щит и зодчий», опубликованная к пятидесятилетию освобождения Пскова, является путеводителем по древнему городу. (Псков был и защитником русских земель на северо-западе, и создателем самобытной

[1] - От 11 августа 1994 г.

школы нашего зодчества, которое следует приравнять к народному эпическому искусству, подобному былинам, осуществленным в камне). Выходил мой небольшой альбом: «Достопримечательности Пскова». Осталось под спудом скрупулезное исследование последних лет: «Псков-крепость», включившее пять оборонительных поясов города. (Я даже все пищали расставила по всем ярусам башен!). Остаются под спудом и рукописи «Довмонтов город» и «Кром» - рассказ о псковском Кремле, историю которого я разобрала по всем этапам и, одновременно, старалась передать его художественный образ и его роль в городе. Несколько лет в местной молодежной газете публиковались мои «Прогулки по Пскову», а всего - до сотни статей в газетах с рассказами о памятниках архитектуры и в их защиту.[1] Псковичи называют меня «землячкой». (Я фактически переселилась во Псков). Мои наивные, но, надеюсь, теплые рисунки любезно печатала газета «Плюсский край». В газетах и поэтических сборниках публиковались мои стихи. Увидела свет книжка стихов «По Руси» с рисунками автора..[2]. Стихи пишу с детства...

Такова «жисть»...

Бодрость я обретала в странствиях по Руси. (Бродила и по Грузии, и по Армении, побывала в Самарканде, Бухаре и

---

[1] - Мною подготовлена рукопись книги "Выхожу на Шелонь": сделаны описания ряда памятников архитектуры Новгородской области (с авторскими фотоснимками). Среди них - сберегающий дух античности собор в Сольцах, в котором, по преданию, венчался М.И.Кутузов и который при Никите Хрущёве били - били - не разбили; рассказ о парке в Выбитях; о "Княжем дворе", о месте Шелонской битвы и о Коростыни - на южном берегу Ильмень-озера, где Иван III принял послушание новгородцев; где стоит дивный Путевой дворец - тоже подобный маленькому античному храму, и возвышается строгий храм столичного образца, возведённый Киавери (эти места были подарены Петром Екатерине I); рассказ об интереснейшем поселении "Медведь"(где, по преданию, Александр Невский убил медведя, который вошёл в герб Новгорода Великого); где сохранился замечательный манеж; а за оградой военого городка XIX века были мною засняты затерявшиеся в кустах валуны-надгробия с японскими надписями времени русско-японской войны. Предварительно я объездила часть Новгородчины, составляя "паспорта" памятников архитектуры для отдела культуры Новгорода, выбрала для себя те, что нужно включить в книгу, и возвращалась к ним не единожды. (Новгород Великий был моей первой любовью на древней Руси, но Псков отъял меня от Новгорода и накрепко привязал к себе).

[2] - В июле 1996 года вышла вторая книжечка моих стихов "Распутица" - тоже с рисунками автора. Ныне являюсь и членом Союза архитекторов и членом Союа писателей России.

на Белом море...). А радость я обретала на Радожском озере в псковской «глубинке», находя приют в избе бабушки Фетиньи Ивановны Макаровой, которой ныне девяносто лет и которой приношу свой поклон.

Эта книга - лирический отчет и рапорт солдата. В первой её части, посвящённой войне, не только всплески личного горя, плач по погибшему. В ней отразилась трагедия девушек-вдов моего поколения, в судьбе которых до сих пор не стёрлись следы войны. Помнится, подсчитав наших погибших и соотнеся их с населением Франции, мы пришли к выводу, что, если бы её жителей постигло такое, все француженки остались бы без своих французов.

Вторая часть этой книги - скромные дары из накопленного за последующие годы. Мой сокровенный мир - это мир красоты - нерукотворной, то есть природы, и рукотворной, то есть искусства. В этот мир я попадаю, как в магнитное поле: оно натягивает внутренние струны, и они начинают звучать. А ещё я пишу, когда душу сжимает волнение, сердце пронзает боль и вскипают слезы... или рождается усмешка.

Хочется добавить несколько слов о том тёплом родном гнезде, в котором я выросла. О соснах-великанах, которые пели мне колыбельные песни в бору под Смоленском... О днепровских заливных лугах; о курганах, поросших дикими нарциссами, ландышами и кустами шиповника... О садах Смоленска и соборе, парящем над городом...О своей семье - родителях и сестре. Все они были медики старого закала. Помочь страдающему человеку было для них главным.

Отец - москвич; мать - смолянка. Мама моя - Екатерина Александровна Дубинская - много лет была сельским врачом, потом - районным. Работала в больнице, стала доцентом. Девиз её жизни - некрасовские слова:

Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первым там...

И ещё: «Делай для человека всё и не жди благодарности».

Отец - Николай Иванович Морозкин - начал свой путь врачом на фронтах империалистической войны. Стал

профессором, членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Самым актуальным он считал то дело, которым никто не занимается или занимаются немногие. (Следовательно, оно требует приложения рук). Он сделался инфекционистом, оценивая эту профессию в медицине как наиболее трудную и невыигрышную. Много ездил для ликвидации эпидемий, болел сам. Даже в годы, когда нам жилось нелегко, он не брал гонорара за частные визиты к больным, говоря, что у людей и без того горе. Родители свободно разговаривали и по-английски, и по-французски. Мать преподавала английский язык своим коллегам, разумеется, бесплатно. Сестра моя, Натали, прекрасная музыкантша, тоже стала профессором, детским инфекционистом. В годы Великой Отечественной войны - молоденький врач медсанбата в Сталинграде, на передовой. Потом были Курская дуга, Харьков... Сестра вернулась домой в шинели, пропоротой во всю ширину груди осколком мины.

В комнате уютной
Окна голубые.
Кажутся минутами
Золотые дни.

Мы с тобой случайно
Сделались большие.
В старом сером доме
Мы с тобой одни.

В старом сером доме
Нынче всё, как прежде,
Всё, как в нашем детстве,
Там давно-давно...

Золотая осень
В кружевной одежде,
В золотой одежде
Смотрится в окно.

У окна была
Железная кроватка.
Милый заяц с куклой
Жили на полу,

А в углу сияла
Алая лампадка,
И большой сундук
Стоял под ней в углу.

Серый мглистый вечер
Приходил украдкой,
И мохнатый сумрак
Полз через окно.

Тени рисовали
На стене загадки...
Огонек чуть светит,
В комнате - темно.

В уголок забившись,
Мы садились рядом,
Уносились в сказку
Детскою мечтой.

Нам ковер казался
Заповедным садом,
А сундук - волшебной
Сказочной горой.

И на крыльях сказки,
Как на крыльях птицы,
Мчались все быстрее -
Только я и ты...

Проносились детства
Чудные страницы.
Голубые окна,
Синие мечты.

(Эти стихи, пришедшие из детских лет, написаны мною в армии в 1942 году и посвящены: «Наточке, сестре моей». А Наточка тогда оперировала раненых в Сталинграде).

И вновь всплывают воспоминания. Школьный выпускной вечер... (Праздник нашей юности - с 19 на 20 июня 41 года: за два дня до начала войны). И раннее утро следующего дня, которое мы встретили на крепостном валу Смоленска. С

него был виден Днепр. Вставало солнце. Рядом цвели сирени. А над нами возносился памятник героям 1812 года... И путь оттуда домой... Добрые деревянные дома XIX века и чарующая баркаролла из «Сказок Гофмана», выливающаяся в открытые окна...

На выпускном вечере Костя снял со своей груди маленькую костяную лиру и приколол её к моему платью. Она сохранилась. И только теперь я поняла, что, волею судьбы, это был его завет, переданная мне эстафета. Эту лиру я проносила на солдатской гимнастёрке всю войну, несмотря на неоднократные замечания начальства: мол, я нарушаю форму; несмотря на требования снять её. И ведь мой долг - оставить память о Константине, рассказать о нём людям. Пусть эта книга станет и «Книгой памяти» о нём.

Константин и Елена... Наши именины в один день - третьего июня, будто мы были созданы друг для друга. И, может быть, мои письма, мысли обо мне, о светлых днях в Смоленске, согревали сердце молодого лейтенанта на его крутой дороге. В этом тоже - смысл моей трудной жизни ...

И снова - строки из далёкого военного времени:

«... я люблю перечитывать твои письма. Они - эти письма - это мост, соединяющий меня с тем, что было, и он - этот мост - меня переведёт к тому, что будет.

Я люблю перечитывать твои письма. И тогда (кажется мне) я начинаю галлюцинировать. В сердце растут звуки, растёт и ширится мелодия «Осенней песни» Чайковского. Ты и твоя комната вновь воскресают передо мной. Вся душа моя, все её извилины и пространства до краёв наполнены звуками - ты рассказываешь мне о своих думах, о своем счастье и горе. И вдруг - пробуждение. Это был только сон. В руках - листок белой бумаги. Это письмо. Сон кончился, видение пропало сразу, как я кончил его читать...»

(19 января 42 г.).

И слова из письма к сестре моей, написанные, когда Костя узнал о моём уходе в армию: «Где теперь Лёлька, которая была и есть моя гордость?...» (21 апреля 1942 г.)[1]

Это письмо наш отец переслал сестре в Сталинград.

---

[1] - Перед обращением в военкомат о призыве я словно взвешивала на весах - "за" и "против": идти на войну или нет. Решающий довод был: " Одной спиной больше - другим легче". Он перевесил.

И ещё - из письма ко мне: «Шесть дней назад я очнулся от тяжёлого сна, который длился так долго - мне кажется, целую вечность. И первое слово, которое я произнес после долгого молчания, было твое имя. Если мы увидимся вновь с тобой - я расскажу тебе многое о том, что я пережил, перечувствовал, передумал...

А если нет... если год назад мы расстались навсегда, знай, родная, что в моём сердце любовь к тебе жила до конца и до конца твоё имя было моей святыней.

7 августа 42 г.».

Весна и Осень в моей душе переплелись. Черёмуховый рай над водами и цветение Осени - поток пылающих листьев... Для них раскрывается моё сердце. Я слышу звуки...

Как хорошо!
Опять душа полна,
Как будто больше
Ничего не надо.

Я на задворках
Старенького сада.
Холодный ветер,
Листьев желтизна.

(Губино. Сад бабушки Фетиньи).
Январь 1995.

Елена Морозкина

ЗАНЫЛИ ГОРЕСТНО СИРЕНЫ...

I

* * *

Осталась там моя любовь,
В том заповеднике из света,
Где лился звон колоколов,
Как откровение поэта.

Где первый луч меня будил,
И провожала в ночь прохлада,
И сладкий запах исходил
Из расцветающего сада.

И стройный юноша-поэт
Пришёл ко мне с нездешним ликом...
А было нам немного лет,
И мы мечтали о великом.

И только там, и только там
Я приняла обет священный,
Но шло крушенье по пятам -
Заныли горестно сирены.

Война!.. Война!..
Беда!.. Беда!..
Снаряды жизнь перечеркнули...
И я пред гробом навсегда
Осталась в скорбном карауле.

———

II

В лесу родилась
(Далекое-близкое)
П о э м а

Пролог [1]

Сомкнутые ели.
Чёрные кресты.
Ночь. Расстреливают!...
Лес,
Ты?

1

Над кроваткой - свет лампадки.
Алый лучик - сладкий-сладкий...
Отчего же так грустна,
Так печальна Богоматерь?
Синий снег лежит, как скатерть;
Ночь дежурит у окна.

2

Осень вяжет пояс пёстрый.
День-деньской нет дома взрослых.
На террасе - рослый пёс.
Взаперти уснули сёстры.
Окна режет месяц острый,
Листья прячут стекла звёзд ...

---

[1] - В Чёрном Бору под Смоленском, где я родилась, в 20-е годы шли расстрелы - близ лесного кладбища.

3

Треск засохших сучьев.
Солнца блеск.
Дух смолы тягучей -
Дышит лес.

Проверяет дятел
Медь стволов.
Ратью встали братья
В сто голов.

Разлетались белки -
В дым хвосты!
Словно в перестрелке,
Бьют клесты;

Гриб широкоплечий
Спит в листке,
Загорелись свечи -
Синь в руке.

4

Друг мой, где ты?
Кому рассказала б
Про тенистые окна в сад,
Про рояль небольшого зала,
Про вокзалы, теплушки, солдат...

Про солдатки тоску немую,
Про слезы золотой кристалл...
Жёлтых листьев не обниму я,
Пьедестал...

5

Порыжели крыши.
Сторожа ослабли.
Сад цветущих вишен.
Сад цветущих яблонь.

Сад души открытой.
Сад, куда пришёл ты.
Я твой репетитор,
Одуванчик жёлтый!

Из росы рассвета,
Из лучистой сини,
От цветущих веток -
Ты мой свет отныне.

Может, ты с кометы,
Мой Золотоглавый?
Из тригонометрии
Мы читали главы.

6

Выплывает круг лампадки.
Алый лучик - сладкий-сладкий...
Отчего же так грустна,
Так печальна Богоматерь?
Не вдова взошла на паперть,
По стране прошлась война...

Лес порублен.
Мир расстрелян.
Запрокинув руки, ели
Повалились в мокрый снег...

И ушёл солдат в шинели,
И метель слизнула след.

1969